

ТЕОРИЯ СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА. 20 ЛЕТ СПУСТЯ

М.И. ВОЕЙКОВ

Известная теория гласит, что способ производства означает способ, каким люди производят средства к жизни и распределяют (обменивают) их между собой. Этот способ производства материальных благ определяет социальный, политический и духовный строй общества и этапы его развития. Способ производства — это экономический скелет общества. Каков скелет — таков и человек. Все что нарастает на скелете, может быть больше или меньше, может уменьшаться или увеличиваться, но определяющим остается скелет, т.е. костяк общества. Поэтому, чтобы понять, что произошло за последние 20 лет после развала СССР, надо понять, что было там до этого развала, какой был костяк того общества, т.е. способ производства.

Россия в начале XX века находилась и до сих пор находится в жестких экономических тисках и для преодоления или хотя бы заметного ослабления этих тисков очень и очень далеко. Объявить в октябре 1917 г. о социалистической революции и о создании социалистических производственных отношений, конечно, было можно, но без соответствующего уровня экономического и культурного развития в реальности достигнуть этого было нельзя. Поэтому-то после Русской революции 1917 г., которая по необходимости носила буржуазно-демократический характер, исторический процесс вполне укладывается в марксистскую теорию способа производства. А согласно этой теории, для создания социалистического общества необходим достаточно высокий уровень развития экономики. Тот же уровень экономического развития, который был в России в первой четверти XX в., пригоден был лишь для «создания» раннего капитализма. Победившая в 1917 г. партия большевиков обещала строить в России социализм, и потому социалистические императивы были для нее специфической формой легитимации. Поэтому-то и появилась теория социализма в отдельной стране, или «русского социализма», которая замещала собой марксистскую теорию способа производства.

Если бы не было 1991 года и развала советской политической системы, то можно было бы держаться старой советской формулы и ждать, когда советский социализм разовьется в некоторые приличные формы. Но мы не дождались, и этот «социализм» рухнул. Поэтому и встают вопросы о природе «русского социализма», о соотношении его с марксизмом, о более полной и правильной трактовке социализма и главное — о природе советской социально-экономической системы. Если ее громадный экономический потенциал, созданный за многие десятилетия усилиями всего советского народа, превратил СССР в

крупнейшую в мире индустриальную державу, способствовал победе СССР во Второй мировой войне и т.д., то как этот потенциал мог исчезнуть? И сегодня еще постсоветская Россия живет во многом благодаря накопленному к периоду «застоя» экономическому потенциалу. Переворот 1991 г. поставил перед страной вопрос о выборе дальнейшего пути развития этого потенциала, о смене исторической формы развития, а не о его крахе. Легче всего верить Сталину и его последователям, что у нас был социализм, который в период «застоя» остановился в своем развитии, а потом и рухнул. А вслед за этим развалился и экономический потенциал, накопленный к этому времени. И теперь как бы надо все начинать с начала, с периода до революции 1917 г. Это легкое, но неправильное объяснение. Давайте разберемся.

И. Сталин не отказывался от трактовки СССР как социалистической страны (даже наоборот), но он изменил марксизм в одном пункте. А именно: он утверждал, что социализм можно построить в отдельной стране, к тому же совсем не самой экономически развитой. Согласно такой логике, экономическое развитие, экономический базис не есть главное в построении социалистического общества. Этот пункт — решающий для всей теории «государственного социализма». После такой процедуры можно объявлять социалистическим любое государство, где соблюдаются внешние признаки равенства. Сталин изучал и знал марксизм и пытался широко использовать его в своей деятельности, ибо это была единственная идеологическая легитимизация его действий. Но в данном случае соединить марксизм, т.е. исторический материализм со строительством социализма в экономически отсталой, полуфеодальной, крестьянской стране, к тому же отдельно взятой, было невозможно. Пришлось поступаться марксизмом и объявить, что пролетариат отдельной отсталой страны не только может, но и «должен построить социалистическое общество»¹.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что Сталин специально и преднамеренно выхолащивал марксизм. Объективизируя ситуацию, наверное, можно предположить, что Сталин самым ходом вещей был поставлен в следующую ситуацию: с одной стороны, необходимо было внушать и поддерживать в людях уверенность, что можно построить хорошее (т.е. социалистическое) общество вне зависимости от мировой революции и мирового рынка; с другой стороны, надо было связывать это строительство с учением и деятельностью Маркса, Энгельса и Ленина, т.е. с теми лозунгами и идеями, которые были провозглашены в начальный период русской революции. И, наверное, это было самое простое и доступное практическое решение. Это обстоятельство питает многие современные литературные построения, которые откровенно перечеркивают теорию исторического

материализма, а, стало быть, и марксизм, но оправдывают создание мощной национальной державы. Как отмечает В.М. Межуев, «Сталин воспроизвел под видом социализма традиционную для России систему самовластия и государственного патернализма»². Или, как пишет Р. Даниелс, «созданный Сталиным после 1917 г. синтез революционной риторики, традиционных ценностей и тоталитарных методов, это его амальгама из социализма, национализма и бюрократии, оставались фундаментом советского политического строя до самого конца»³.

Вопрос о характере Русской революции и последующего экономического развития был предметом исследования меньшевиков уже в послереволюционный период. Так, Ю.О. Мартов писал в 1922 г.: «Русскую революцию октября 1917 года мы всегда рассматривали как этап революции, в основе своей буржуазной, несмотря на выдвинутые ею лозунги коммунизма и диктатуры пролетариата»⁴. В воззвании Бюро ЦК РСДРП того же года говорится: «Правительство коммунистической партии с неизбежностью стало на путь организации хозяйства на капиталистических началах»⁵. Меньшевики как последовательные марксисты были правы: объективная необходимость состояла в формировании и развитии буржуазного способа производства. Именно это утверждала марксистская теория.

Таким образом, теоретически правильно и более последовательно связывать советский тип социально-экономической системы не с марксизмом и коммунизмом, а буржуазными производственными отношениями. Еще в начале 1920-х годов это было развито в своеобразной концепции национал-большевизма. Эта идеология имела некоторое, а, может быть, даже и широкое распространение в среде патриотически ориентированной русской эмиграции. Одним из центров этого идеологического направления был Н. Устрялов и журнал «Смена вех» (1921 – 1922). Важнейшим положением национал-большевизма было признание советского типа государства и государственного национализма. Н. Устрялов подчеркивал, что чисто коммунистическими методами сильной России не сделаешь. И советская власть идет на уступки, компромисс с жизнью: «Сохраняя старые цели, внешне не отступаясь от “лозунгов социалистической революции”, твердо удерживая за собой политическую диктатуру, она начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры – “буржуазной” природы»⁶. «Государство затосковало по хозяйству», – пишет в другой работе тот же Н. Устрялов⁷. Следует отметить также и то, что теория национал-большевизма тесно примыкала к построениям евразийцев, которые считали, что «социалистическая революция свелась к обобщению и обострению традиционно-русского централизма и этатизма»⁸.

Национал-большевизм неявно, подспудно чувствовался и проявлялся во многих действиях сталинского режима, да и всего советского периода, когда интересы создания мощного государства ставились выше жизненных интересов простых людей и когда Сталин отождествлял свои личные интересы с интересами государства. Национал-большевизм никогда не был официальной идеологией в СССР, он был идеологией как бы теневой. Сталин репрессировал Н. Устрялова и других провозвестников национал-большевизма, но не саму эту идеологию. Ибо она была руководством (плохо осознанным или вовсе неосознанным) к практическим действиям, которые с большей или меньшей последовательностью осуществлялись на протяжении всего советского периода.

В этой связи встает проблема более точного определения общественного строя России, который утвердился после революции 1917 г. Сталин назвал этот строй социализмом и многие ему верят до сих пор. Согласно этой логике, развал СССР в 1991 г. означает и крах (или кризис в более мягкой интерпретации) социализма. Чтобы разобраться в этом вопросе — что же означает распад СССР? — надо прежде всего усомниться в правоте И. Сталина. На каких основаниях и почему он назвал социально-экономический строй СССР социализмом? Для этого полезно начать с анализа развития капитализма в России еще XIX в. как предшествующего общественно-экономического уклада. Более детальный анализ этого уклада в канун революции 1917 г. свидетельствует о том, что частно-капиталистический уклад в этот период не занимал господствующего положения в экономике России. Хотя капитализм после отмены крепостного права в 1861 г. быстро развивался, но к началу XX в. товарно-денежные отношения в стране имели незначительный удельный вес. Господствовали натуральное производство и феодальные отношения «крепостничества и азиатчины». При этом, конечно, интенсивно росли и развивались буржуазные экономические отношения, но они были еще в начальной стадии своего развития, если брать не отдельных представителей торгового капитализма, а всю массу населения, т.е. крестьянство. Естественно, что ни о каком переходе по сути от феодальных отношений к социалистическим (т.е. постбуржуазным) не могло быть и речи.

По многим характерным чертам общество, возникшее после революции в России, больше напоминало буржуазное, чем социалистическое в классическом его понимании. Эти процессы в той или иной мере были свойственны всей истории послереволюционной России. Таким образом, если теоретически была ясна неизбежность именно буржуазного развития, то и эмпирически постоянно подтверждался именно этот тип развития, пусть и в своеобразной форме.

И действительно, многие, если не все экономические мероприятия Советской власти, были по своему характеру буржуазными. В этот термин я не вкладываю какого-либо оценочного смысла. Под буржуазностью в данном случае понимается стремление человека (или группы людей, слоя, класса) в своей повседневной и прежде всего хозяйственной деятельности следовать правилам рационального экономического поведения. Буржуазность — это скрупулезное соизмерение затрат и результатов труда, бережливость, экономичность, говоря по старому, хозрасчет, доведенный до каждого человека. Но буржуазность — это не просто экономическая рациональность и эффективность, а рациональность, возведенная в высший принцип существования, в религию. Наиболее типичной, или классической, религией буржуазного класса, как известно, является протестантизм. Поэтому в русских условиях советского периода буржуазность не проявлялась, так сказать, в ее чистых формах, тут было много своеобразия. Например, индивидуализм здесь не играл решающей роли.

Буржуазность хорошо иллюстрируется средним классом европейских стран. Корни свои он ведет от средневекового города, городского ремесленничества, его цеховой структуры. В России всего этого не было, как не было и развернутого капитализма. Однако буржуазные отношения начали формироваться еще в старой России и продолжались в России советской. Это проявлялось, прежде всего, в индустриализации, развитии хозрасчета, материальном стимулировании труда и т.д. Развитие экономики, повышение экономической эффективности производства, стремление к рентабельности, всемерной экономии и рачительности в хозяйстве — все это проявления буржуазности данного способа производства. Ничего социалистического здесь нет. Согласно общему мнению, например, индустриализация есть необходимый элемент формирования и развития капиталистического способа производства, а не элемент посткапиталистического развития. В России же индустриализация происходила в 1930-е годы и только благодаря ей страна перестала быть аграрной. Именно в ходе и вследствие индустриализации получили развитие такие сугубо буржуазные отношения, как хозяйственный расчет, материальное стимулирование труда, премиальные системы, тарификация труда, ударничество, стахановское движение и т.п.

Коммунистическая идеология с этим боролась, буржуазная — на этом животном инстинкте оправдывает делание денег. В СССР с мещанством боролись, но комфортабельной жизни хотели многие. Было ли советское общество буржуазным? На это вопрос профессор Б.Ф. Славин со всей определенностью отвечает, что «советское общество не было буржуазным»⁹. Мне же ответить на этот вопрос однозначно трудно. Основы советского общества были, безусловно,

буржуазными, но вся пропаганда, идеология советского периода, конечно, буржуазными не были. Более того, официальная советская идеология подавляла буржуазные интенции, пыталась заменить их чем-то другим. В этом и проявлялось расхождение между реальной действительностью и ее идеологическим оформлением. На это расхождение еще в 1923 г. обратили внимание меньшевики: «Внутренние условия, заложенные в коммунистической диктатуре, не позволяют ей придти в полное соответствие с экономическим базисом»¹⁰.

Конечно, капитализм в СССР существовал не в классической форме, но это было господство своеобразных буржуазных экономических отношений. Сложность состоит в том, что правящая элита советского периода все это называло социализмом, что стало привычной формулой для многих. В периоды, предшествующие «застою» (индустриализация, война, восстановление народного хозяйства) расхождение между буржуазным способом производства и социалистической фразой не складывалось в серьезную проблему, ибо мобилизационные цели развития притупшевывали буржуазные императивы и питали энтузиазмом социалистические (патриотические) лозунги. А вот в период «застоя», когда отпали мобилизационные цели, и энтузиазм проявлять было негде и не к чему, расхождение между делом и словом стало резко бросаться в глаза. Поэтому практика без конца натывалась на массу противоречий: между материальным стимулированием труда и стремлением к равенству, между необходимостью прибыльного ведения хозяйства и решением социальных проблем, между социалистическими лозунгами и буржуазной действительностью.

Такая практика и сегодняшние трудности теоретической интерпретации переживаемого момента вновь, как и в начале века, породили интенцию поиска самобытного пути для страны. Это касается рассмотрения России как особой цивилизации, имеющей отличные от западной цивилизации характерные черты и траекторию развития. Как нетрудно увидеть, такая постановка вопроса восходит к народнической концепции. Если же исходить из того, что Россия не вписывается в мировую историю и сама по себе есть довольно уникальное явление со своими собственными закономерностями исторического развития, то надо будет определиться и с социальной наукой. Может ли социальная наука в условиях России четко выявить какие-то закономерности исторического развития, сказать, что общество развивается по таким-то и таким-то этапам и что следующий этап развития будет такой-то? Или для России все это не годится, Россию, так сказать, «умом не понять»? И Россия вообще выпадает из сферы научного анализа, и представители социальной науки ничего не могут сказать определенного о ее прошлом, настоящем и будущем?

Вместе с тем, признавая буржуазный характер экономических отношений всего советского периода русской истории, его трудно трактовать как государственный капитализм. Такая точка зрения довольно распространена в специальной литературе¹¹. Сущностная черта госкапитализма — это распределение по капиталу с помощью или через государство. То, что мы сегодня имеем в России, вполне отвечает характеристикам государственного капитализма. Но в советский период было нечто иное. При сохранении буржуазного способа производства, распределения по капиталу там все-таки не было. Распределение тогда осуществлялось частично по труду, частично по социальному статусу в бюрократической иерархии. Назвать все это государственным капитализмом в точном смысле этого понятия трудно.

Но это не означает, что не было господства буржуазных экономических отношений. Никакая диктатура класса, партии или одного лица не в силах переломить ход истории, объективно данный способ производства. Сто лет развития своеобразного капитализма в России делают невозможным сегодня переход к классическому капитализму эпохи первоначального накопления капитала. Нельзя вернуться к тому, что историей пройдено. Нельзя отбросить старый потенциал и с нуля начать все заново. Но это, в свою очередь, требует нового осмысления прежней истории и путей возможного развития страны.

Итак, какая же экономическая система сформировалась в СССР, и какой потенциал требовал не своего разрушения, а изменения исторической формы проявления? Государственный и идеологический аппарат советского общества продолжал сохранять мобилизационную форму развития, которая уже не соответствовала новому этапу истории. И все это прикрывалось социалистической и даже коммунистической риторикой из пострыночного будущего. Расхождение между формой и способом производства приобрело такие масштабы, что форма рухнула. Таким образом, способ производства никуда не исчез, ибо его нельзя ни отменить, ни назначить каким-либо указом какого-либо президента или премьер-министра. Это просто невозможно. Способ производства не чиновник. Исчезла форма мобилизационной экономики под названием «развитой социализм», но способ производства сохранился.

Однако траектория развития современной России пока еще с трудом поддается четкому научному анализу. С одной стороны, Россия стала энергично проводить целый ряд радикальных реформ важнейших сторон жизни общества, активно искать пути модернизации своего развития. С другой стороны, реформы вызвали тяжелейший кризис в экономике, в политическом устройстве общества, в духовной сфере. Страна оказалась на грани физического выживания. Что будет

с Россией дальше? Социально-экономический потенциал, накопленный за весь советский период, разрушился полностью или еще что-то осталось? Или же в этом году отлетели некоторые формы (одежды) этого потенциала, но сам он сохранился почти полностью и активно ищет новую, адекватную современности форму? Эти вопросы задают миллионы людей во всем мире. Ответить на них оказалось не просто. И одна из главных трудностей состояла в том, что мы плохо понимали и понимаем историю России в XX веке. А без понимания социально-экономической природы общества трудно предвидеть пути его развития.

Часто говорят и пишут о трансформации, или переходном процессе, от старой экономической системы к новой, рыночной. Но четких представлений о старой социально-экономической системе и новой в научном понимании пока нет. Кроме самых общих, весьма приблизительных очертаний старой и новой систем ничего определенного в нашей обществоведческой литературе нет. Даже в лучшей литературе на эту тему можно обнаружить много приблизительных и наивных оценок. Многие исследователи готовы принять историческую форму за содержание системы и идеологию поставить впереди экономики. Но пока еще не идеология определяет экономику, а как раз наоборот. Более того, в 2000-е годы можно было наблюдать даже некоторые робкие попытки восстановления экономических императивов советского периода. Например, трехлетнее бюджетное планирование.

Дело состоит не в идеологии, не в той или иной политической форме, а в существовании экономического процесса. А российский экономический процесс, адекватный российским географическим, национальным и геополитическим условиям, требует соответствующей социально-экономической системы. Такая система и сложилась, с рядом оговорок, к периоду «застоя» и представляла собой вполне адекватную систему для страны. Естественно, она нуждалась в модернизации, улучшении, совершенствовании, а не в сломе. Потенциал ее не был исчерпан до конца. Однако, как было показано выше, буржуазные тенденции стали складываться уже в 1920-е гг., в дальнейшем они были придавлены мобилизационными целями, а в период «застоя», относительно спокойный, нормальный период, эти тенденции вышли наружу, стали явлениями. Объясним это несколько подробнее.

Как известно, согласно классической теории, развитие производительных сил вызывает к жизни соответствующие производственные и общественные отношения. Уже на этой основе общественная наука должна вырабатывать более или менее четкие критерии общественного развития, предусматривать его этапы. Это означает, что все страны при их безусловных различиях и особенностях, подчиняются одним и

тем же закономерностям исторического развития, проходят в своем историческом развитии примерно одни и те же этапы. Как писал К. Маркс, менее развитая страна видит свое будущее в картине экономически и культурно более развитой страны. Общество не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни отменить их декретами. Это, казалось бы, уже научно установленные истины. Но в последнее время они стали активно подвергаться сомнению. Это касается рассмотрения России как особой цивилизации, имеющей отличный от западной цивилизации путь развития.

Если исходить из концепции, что Россия не вписывается в мировую историю и сама по себе есть довольно уникальное явление со своими собственными закономерностями исторического развития, то надо будет определиться и с социальной наукой: приложима ли она к развитию нашей страны или последняя подчиняется своим закономерностям и вообще выпадает из сферы научного анализа, и представители социальной науки не могут сказать ничего определенного о ее прошлом, настоящем и будущем?

Говорить, что Россия когда-то выпала или сегодня выпадает из мировой истории с научной точки зрения нельзя. И до 1917 года и после, и сегодня Россия развивается в полном соответствии с объективными законами мирового общественного развития. Просто не надо путать и принимать на веру всякие названия, которые по тем или иным причинам давали и дают общественному устройству страны различные политические лидеры. Более того, нельзя принимать форму исторического процесса за его содержание. Поэтому распад СССР еще не означает и не может означать распад социально-экономического строя страны, изменения способа производства.

Экономические отношения советского периода характеризовались двойственностью. С одной стороны, им навязывали социалистические ценности и соответственно ориентировали развитие трудящихся. Отсюда высокий уровень образования и престиж интеллектуальных профессий. С другой стороны, в реальности люди все больше пропитывались буржуазными отношениями и ценностями. Особенно ярко это стало проявляться в брежневские времена.

Посмотрим — что же происходило у нас, в России, в конце XX в.? Известно, что М. Горбачев начал свои преобразования в 1985 г. как реформы. Но к началу 90-х годов стало ясно, что ранее намеченные реформы перерастают сами себя, оказываются настолько радикальными, что по существу делают необходимым полное обновление экономических и политических основ общества. По сути дела, речь должна была бы идти о модернизации. Но Горбачев и его окружение продолжали говорить о реформах, плохо понимая при этом, что, собственно, они принялись реформировать. Процесс изменений, конечно, «пошел»,

но приобрел стихийные и радикальные формы, утратил какую-либо управляемость. Это стало для всех полной неожиданностью.

Пришедшие после Горбачева новые люди объявили эти изменения революцией. Если так, эти новые люди пытались изменить экономические и политические основы общества, его социальную структуру. Формально произошла смена элит.

Интересно посмотреть, насколько серьезными были эти изменения, чтобы их можно было трактовать как революцию, как слом старой социально-экономической системы. Какое определение мы можем дать изменениям в России в связи с распадом СССР? Конечно, процесс изменений еще не отстоялся и окончательных выводов сделать сегодня нельзя. Но материал для анализа все же имеется достаточный. Реформа старой системы сюда явно не подходит в силу совершенной неуправляемости процесса изменений. Остается выбрать или ее модернизацию, или революцию, т.е. смену системы.

Итак, рассмотрим возможность применения понятия «революция». Начнем с более легкого — смены элит. Конечно, во главе страны сейчас стоят люди во многом другие (хотя где-нибудь в 1992 г. или 1993 г. трудно было себе представить, что следующим Президентом страны станет полковник КГБ, так что говорить «во многом» уже нельзя). Но означает ли смена одного человека на другого, смена Иванова на Сидорова, смену элиты? Я думаю, что нет. Смена элиты — это приход к власти существенно другого социального слоя. У нас же такой смены не произошло. Да, в первое время после 1991 г. университетские профессора, заведующие лабораториями и журналисты (заметим, в очень небольшом числе) попытались войти во власть и укорениться там, но довольно быстро оттуда ретировались. Практически в 1990-е гг. у власти находилась та же самая партгосноменклатура, которая была там и все годы брежневского периода, хотя и по-другому называлась. Даже многие персоналии остались (или вернулись во власть) те же самые. Поэтому, по большому счету, существенной смены элит в нашей стране не произошло.

А какими стали экономические основы общества? В старом, «социалистическом» обществе такой основой была общенародная или, точнее, государственная собственность на средства производства. Да, сегодня говорят о необходимости частной собственности и даже переименовали почти 80% предприятий из государственных в акционерные. Но от такого переименования по существу мало что изменилось, кроме того, что директора этих предприятий получили неограниченные возможности делать то, что хотят или то, что могут. Никакой существенной разницы между оставшимися государственными предприятиями и новыми акционерными предприятиями обнаружить невозможно. Неплатежи, простои, убытки и т.п. на тех и других пред-

приятнях совершенно одинаковы. Акционерные предприятия также не создали новых классов или слоев общества. Директора, служащие, рабочие продолжают рассматривать себя в качестве государственных служащих и основные претензии предъявляют именно к государству. Директор (или хозяин) убыточного акционерного предприятия не может просто распродать имущество неэффективного предприятия и высвобожденный капитал вложить в более прибыльное дело. Этот директор связан «по рукам» сотнями нитей, которые и составляют экономическую основу общества. Так что и экономическая основа, по сути, осталась прежней.

Социальная структура общества также изменилась незначительно. Не появился в заметном числе класс капиталистов. Так называемый средний класс резко сократился после советских времен, но продолжает оставаться довольно внушительной социальной силой. Имеющиеся данные позволяют делать вывод, что многочисленные сетования по поводу «невозникающего» среднего класса, что в ходе российских реформ «не удалось» сформировать средний класс, реальны лишь в небольшой степени. Специальные расчеты показывают величину среднего класса в пределах 30 – 40% от общей численности населения. Так что в современной России средний класс есть. Конечно, сегодня средний класс не очень большой и с не очень ясной перспективой. Более того, вполне можно утверждать, что какая-то часть среднего класса появилась именно благодаря российским реформам. Но основную его часть составляет средний класс еще советских времен (интеллигенция, специалисты народного хозяйства, офицерский состав армии и других аналогичных структур, государственные чиновники, хозяйственные руководители).

Остаются политические основы общества, которые действительно претерпели заметные изменения. Но и тут можно сделать две оговорки. Первая – пока еще не совсем ясно, где остановится процесс политических изменений. За последние 20 лет мы убедились, что эти политические изменения могут идти в разные стороны. Вторая – чтобы четко определить степень и направленность политических изменений, надо также четко представлять себе точку отсчета, а до сих пор господствуют очень поверхностные и наивные представления о социально-экономическом строе бывшего Советского Союза.

В последнее время, начиная с 2000-х годов, можно наблюдать пока еще в мелких и малозначительных формах реставрацию многих элементов советской системы. Конечно, риторика и форма всей этой реставрации совсем иная, но содержательно идет упорный возврат прежней системы. И говорить, что с распадом СССР ушла в прошлое и его социально-экономическая система, явно преждевременно. Советская экономическая система была сформирована не столько под

влиянием какой-либо идеологии, сколько под давлением объективной экономической необходимости выживания громадной страны с суровым климатом и многочисленным, многонациональным населением. Сама по себе эта система разрушиться не может. Она может сменить форму функционирования, историческую форму существования, но не свою суть.

Положение о том, что после 1991 г., с распадом СССР произошли заметные изменения по форме, а не, по сути, в последнее время стало все больше встречаться в научной литературе. Например, член-корреспондент РАН Р.С. Гринберг пишет: «Нельзя не заметить парадокс: при кажущемся принципиальном изменении строя после распада СССР последовало изменение формы — но не сути экономической атмосферы»¹². Сделаем лишь одно уточнение: суть экономической атмосферы — это и есть природа экономической системы, которая не изменилась и до сих пор использует свой потенциал. Или вот весьма точные слова В.М. Межуева: «С системы содрали все ее социалистические наклейки, но сохранили суть»¹³. И это нормально, тут нет ничего удивительного или неожиданного. Пришло господство, как удачно замечает Г.Г. Водолазов, «перевернувшейся на другой бок номенклатуры»¹⁴. Нравится это кому-нибудь или не нравится, скорее последнее, но это и есть объективная реальность. Видимо, эта система объективно неизбежна на современном этапе развития России. Она, система бюрократического управления, в эпоху «застоя» приобрела зрелые и отчетливые очертания, потребовала замены исторической формы осуществления и в новой форме стала адекватной для современной России. Против нее можно и нужно «бороться» в смысле минимизации отрицательных сторон бюрократизма, но от нее никуда не деться. Иного не дано.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Сталин И.* Вопросы ленинизма. — М., 1947. — С. 149.

² *Межуев В.М.* От «застоя» к «застою» // СССР. Застой. Материалы конференции 5 — 6 ноября 2008 г. / под ред. Р. Крумма и Л. Булавки. — М.: Культурная революция, 2009. — С. 320.

³ *Даниелс Р.* Взлет и падение коммунизма в России. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 425.

⁴ *Мартов Ю.О.* Избранное. — М., 2000. — С. 498.

⁵ *Меньшевики в 1922 — 1924 гг.* / отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 110.

⁶ *Публицистика русского зарубежья (1920 — 1945).* Сб. статей. — М., 1999. — С. 246.

⁷ Там же. — С. 253.

⁸ *Савицкий П.Н.* Континент Евразия. — М., 1997. — С. 103.

⁹ *Славин Б.Ф.* Социализм и Россия. — М.: УРСС, 2004. — С. 378.

¹⁰ Меньшевики в 1922 – 1924 гг. – С. 352.

¹¹ См.: Клифф Т. Государственный капитализм в России. – М., 1991; Соловьев А.В. Этюды о капитализме в России XX века. – Кострома, 1995; Здобров А.А. Государственный капитализм и модернизация Советского Союза. – М.: УРСС, 2006.

¹² Гринберг Р.С. Угасшие надежды, гуманизм, социальные императивы будущего // «Застой». Дисконтенты СССР / под ред. Л. Булавки и Р. Кrumma. – М.: ТЭИС; Культурная революция, 2010. – С. 63.

¹³ Межуев В.М. От «застоя» к «застою» // Там же. – С. 323.

¹⁴ Водолазов Г.Г. Опыт противостояния застойных времен (Три портрета) // Там же. – С. 231.

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические проблемы трансформации российского общества за последние 20 лет с точки зрения теории способа производства. Доказывается, что после революции 1917 г. в России сложился буржуазный способ производства. Этот способ производства был характерен для всего советского периода. Это вызывало противоречия между объективной буржуазной реальностью и социалистической идеологией. После 1991 г. социалистическая фразеология отпала и буржуазная действительность предстала в обнаженном виде.

Ключевые слова: исторический материализм, способ производства, постсоветские трансформации.

Summary

In article the analysis of theoretic problems post soviet's transformation on base Marx's theory mode of production. After Russian revolution 1917 in Russia complexity the bourgeois mode of production, which was character for whole period of soviet history. But this situation establish contradiction between bourgeois practicability and socialist ideology. After 1991 socialist phraseology destroy and bourgeois reality appear in uncover the kind.

Keywords: historical materialism, mode of production, post soviet transformations.